

О ВАЛЕНТИНЕ

И. Е. ВАСИЛЬЕВ

ЕКАТЕРИНБУРГ

В Валентине Вонифатьевиче поражало многое — начиная от дивного отчества до странноватой внешности. Это был человек мягкий, спокойный и улыбчивый, высокого роста и, казалось, несколько отстраненный, как говорят, не от мира сего. Погруженный в свои мысли, он произносил слова замедленно и как-то неестественно размеренно. Все это производило впечатление заторможенности. Между тем в сознании Валентина происходила активная работа, свидетельствовавшая о его несомненной одаренности и душевной подвижности, внешними проявлениями которых были значительные успехи как в области естественных, так и гуманитарных знаний. Это тоже казалось странным — такой резкий переход от биологии к филологии и попытка совместить на первый взгляд несовместимое, науки, давно обособившиеся, забывшие друг о друге...

Я знал Валентина более 30 лет. Мы не были приятелями, но, изредка случайно встретившись, с удовольствием разговаривали. Первые такие встречи состоялись еще в студенчестве, когда мы оказались в одном учебном взводе на занятиях по военной подготовке в УрГУ. В перерывах между уроками, на привалах в полевых условиях мы с ним, помню, несколько раз беседовали. Я увлекался модным тогда структурализмом и взахлеб трещал о Ю. Лотмане, семиотике, знаковых системах. Валентин внимательно слушал обо всех этих, довольно экзотических для биолога, предметах. Каково же было мое удивление, когда через два десятка лет я обнаружил, что Валентин переписывается с несколькими гуманитариями-структуралистами и лично знаком с известнейшей литературоведом З. Г. Минц! Его неудержимо тянула к себе филология. И вот он уже выступает на наших семинарах, ездит на литературоведческие конференции, пишет статьи на литературные темы, наконец, издает замечательную книгу об А. Ахматовой. Таковы неисповедимые пути таланта, чьи увлечения оказались подлинным даром.

Новые интересы заметно осложняли его жизнь: на кафедре, где он работал, очевидно, косились на него. Он не жаловался, но в подтексте чувствовалось: не понимают. А у него уже роились новые идеи, возникали и осуществлялись негромкие, но самостоятельные, а главное — результативные проекты (в том числе и издательские).

Валентин ответственно и как-то трепетно относился к друзьям, главными из которых были те, с которыми он когда-то учился. Помню, с каким удовольствием и теплотой он рассказывал об успехах сокурсников, знакомых мне все по тому же учебному взводу. Все это говорило о его душевной щедрости и доброте.

КОРОНЬЕ ГНЕЗДО

Л. Ю. ПРУДНИКОВА

ЕКАТЕРИНБУРГ

Кафедра ботаники. Небольшая уютная комнатуха, уставленная цветами, где у нас проходит практикум по очередному спецкурсу. Мы с любопытством глядим на нового преподавателя, который начинает занятие несколько нетрадиционным способом: представившись, он объясняет нам, почему его так странно зовут — Валентин Вонифатьевич Корона.

С первого курса мы встречаем его в коридорах биофака. Он вообще человек странный. Все в нем «не такое»: и не совсем типичная для Урала внешность, и своеобразная замедленная речь, и такая же неторопливая повадка. А еще мы знаем, что он занимается какими-то малопонятными для нас вещами — изучает структуру листа, причем совсем не так, как она дана в учебниках по морфологии растений. Про него ходят самые противоречивые слухи: кто-то говорит, что Корона — новатор в области морфологии, кто-то посмеивается над его нетрадиционными изысками.

Игорь Евгеньевич Васильев — филолог. Уральский государственный университет, каф. русской литературы XX века. ivasil@r66.ru

© Васильев И. Е., 2002.

Лариса Юрьевна Прудникова — биолог. Ботанический сад УрО РАН, лаборатория экспериментальной экологии и акклиматизации растений. prudnikova@mail.ru

© Прудникова Л. Ю., 2002.
